

Внуки Баламута

-- Ну как можно было так себя изуродовать, -- восклицала Маргарита Ивановна Калинина. -- Такие красивые волосы были! А теперь -- как пупс резиновый! Бабушка приедет -- что скажет?

-- Мне все равно, кто что скажет, -- надулась Катя Калинина. -- Мои волосы, что хочу, то и делаю!

Папа Калинин надел наушники, но вопли проникали и под них. Младший Калинин, Тихон, тоже натянул наушники, но мама резко обернулась и закричала:

- Тиша! Сколько тебе говорить! Отойди от компьютера!

-- Я-то Тиша, а ты-то громча, - пробурчал он.

-- Катя! Ну что ты тут бросила этот хлам! Я одна тут должна убирать, да?

- Меня зовут Петер, - ледяным тоном заметила Катя.

-- Я не обязана поддерживать всякую дурь! -- почти завизжала мама. -- Я назвала тебя Катя, и ты Катя.

-- А я назвал себя Петер, и я Петер.

-- Сережа, ты это слышишь вообще?

***

На невидимом нижнем этаже кто-то маленький с красным ирокезом между кривых рожек хохотнул и протянул руку другому, толстенькому. Толстенький пожал ее и хмыкнул:

-- Ты только не расслабляйся.

Обернулся к двум другим, зажавшим в руках джойстики, искомандовал:

-- Пацаны, погнались!

Папа Сережа и Тихон сошлись в финальной схватке.

***

На невидимом верхнем этаже шло совещание. Шуршали белые крылья, посвечивали нимбы, раздавался озабоченный шепот:

-- Вам кажется, уже пора готовить интервенцию?

-- По-моему, сейчас надо дать им шанс. Игроков пока не трогаем, но присматриваем. В конце концов, когда они еще пообщаются так мирно.

-- Маму с дочкой разводим?

-- Да надо бы.

-- Беру на себя, -- белый силуэт скользнул вниз, хлопнул форточками. По полу пронесся сквозняк, в детской зашелестели бумаги, посыпались со стола на пол. Бахнула дверь.

-- Кать, у тебя в комнате что-то сыплется! -- закричала Маргарита.

-- Слышу, - буркнула Катя и тихо выругалась.

Тот, что с красным ирокезом, радостно застучал копытцами.

***

На верхнем этаже наступила тишина.

-- Амброзии? – предложил белый с голубым сиянием.

-- Рано пока. Это не мир, это затишье, - сказал другой, с радужным контуром.

***

На нижнем этаже четыре рогатых головы склонились друг к другу, пошептались, захохотали и снова схватились за джойстики.

В это время среди них возник пятый – тощий и усталый. Пошатываясь, он растолкал всех, плюхнулся на диван и сказал:

-- Всем привет. Я к вам командированный. Щас жарко будет, - он обмахнулся кисточкой хвоста.

-- Небось не жарче, чем в аду, -- покривился толстенький.

-- Не смешно. Она меня реально задолбала, - пятый продолжал махать кисточкой. – Прикройте, не могу уже больше. Хоть полчаса отдохну.

-- Какая еще «она»? – спросили двое с джойстиками

-- Да бабка же. К вашим едет. Вон в лифте поднимается, соседскую собачку гладит.

-- Эта собачка нашему Петеру вчера штаны порвала, - встрял маленький с ирокезом.

-- А ваш Петер кто? У меня в техзадании не прописан.

-- Щас увидишь. Подвинься, развалился.

-- Дай отдышаться, брателло. Ты, может, поменяться хочешь? Так я тебе ее и даром отдам.

-- Угу, нашел себе работника на халяву?

-- Так, все заткнулись. Полная готовность, - цыкнул толстенький.

***

-- Катя, открой! – закричала Маргарита с кухни.

-- Петер, - проскрежетала Катя, открыла дверь и удивилась, - ой, бабушка!

-- Привет, Катюш. Возьми чемодан.

Катя скривилась, но бабушка не заметила.

-- А мальчики где?

-- Да вон в танчики рубятся, - Маргарита вышла в коридор, вытирая руки кухонным полотенцем. – Парни! Ау! Выйдите хоть бабушке привет сказать!

-- Привет, мать! – Сергей обернулся, приподняв наушник, кивнул и опять уткнулся в экран.

-- Привет, башк, - Тихон не стал оборачиваться: отец как раз атаковал.

-- О, у вас танки? Хорошее дело, -- сказала бабушка. -- Тиш, ты меня просил папины воспоминания перепечатать про Курскую дугу, так я перепечатала, напомни потом. Так, кого я еще не обняла? Катя?

-- Баушк, пожалуйста, зови меня Петер. Для меня это важно, - тихо протараторила Катя.

-- Ой, мама моя говорила -- хоть горшком назови, только в печку не ставь. Петер так Петер. О, лысый-то какой, Петруш! Девкой был бы краше!

-- Ну бабушка!

-- Цитата, - срочно вставила Маргарита. -- «Гусарская баллада». Мам, есть хочешь?

-- Дай ежик потрогать? Ух ты, щекотный. Ритусь, чаю. Не, слушай, мне нравится. Благородно и череп красивый. Петруш, ты выглядишь как модель.

-- Петруша -- это какая-то «Капитанская дочка», - поморщилась Катя.

-- А Петер -- это царь Петр Алексеич, -- вставил папа, входя. -- Здорово, мать. Прости, доиграл.

-- Так нечестно, - заорал Тихон, выбегая из комнаты. -- Ты нечестно у меня выиграл!

-- Тихон, как ты разговариваешь с отцом? -- встряла Маргарита.

-- Внук, - сказала бабушка. -- Я ничего не понимаю в ваших играх, но если хочешь, завтра мы с тобой его разобьем. Клянусь.

-- Я сам, - проворчал Тихон.

-- Мам, у тебя пирог горит, - невинно заметила Катя.

-- Трудно самой огонь убавить? -- закричала Маргарита.

Она открыла духовку, и кухню заволокло дымом.

***

-- Поможете? -- устало спросил новенький пятый на верхнем этаже. Его золотые крылья поникли и даже выглядели немножко общипанными.

-- По-моему, она справляется, - заметил радужный.

-- Она справляется-справляется, а потом бац.

-- Подстрахуем, - заверил сияющий голубым.

***

-- Пора! -- бросил толстенький, и все четверо рванули на кухню. Форточки захлопали, газ запыльхал, в сковородке на плите загорелось масло, кто-то смахнул бутылку с остатками масла на пол, у Тихона разъехали ноги, и он упал -- головой об табуретку.

Катя бросилась открывать окно, папа -- перекрывать газ, мама -- хлопнуть полотенцем по сковородке, бабушка -- уводить Тихона в комнату.

Зашелестели белые крылья, разгоняя дым.

Когда дым сошел, мама потащила бабушке тонометр, а потом капотен, а папа Тихону -- ледяной пакет пельменей из морозилки -- приложить к шишке.

-- Мам, да они вообще ни в грош меня не ставят, -- жаловалась Маргарита бабушке, когда все стихло. – У одних танчики, другая вообще решила, что она парень.

-- Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не вешалось, - пожала плечами бабушка.

-- Мам, ну и ты с ними?

-- Да я с тобой, Ритка, с кем же еще.

Катя постояла в дверях, послушала, порываясь что-то сказать. Но не сказала, а молча пошла вытаскивать из духовки пирог и отпиливать от него горелую корку.

***

-- Вы должны были что сделать? – сердито выговаривал толстенький. – Вы должны были их посорить. И никого постороннего на кухню не допускать. Что вообще произошло? Почему дети не орут? Почему мать сковородками не швыряется, я не понял? Кто за отца отвечает? – почему он еще не захотел выставить тещу вон?

-- Риточка, ты иди вон своего ежа в макушку поцелуй, - сказала бабушка. – Только не говори ничего.

Маргарита вышла из комнаты, и бабушка твердо сказала в пустоту:

-- Мальчики, я все слышала. Ничего этого не будет. Давайте отсюда – все брысь на каникулы или куда у вас там.

-- Я говорил вам, - убито вздохнул пятый на нижнем этаже.

-- А вот теперь можно амброзии, - сказал радужный на верхнем этаже.

-- Идите чай пить, - сказала Катя. – Кто пирог будет?

-- Я! – закричала бабушка.

-- Мы! – сказали папа и Тихон.

-- Мы, - сказали на нижнем этаже, но на сей раз их никто не услышал.